

<https://doi.org/10.5281/zenodo.4359630>

УДК 82

Раджабова Г.А.

Раджабова Гульноза Арифжановна, Северо-Кавказский федеральный университет, Научно-исследовательский Гуманитарный институт. 355017, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. E-mail: noza140983@gmail.com.

Образ «базара» в рассказе Сухбата Афлатуни «Бульбуль» как мифологическое воплощение Востока

Аннотация. В статье рассматривается термин сравнительного литературоведения (компаративистики) – имагология. Особое внимание уделяется анализу мифологического образа восточного «базара» в рассказе «Бульбуль», а также рассматриваются особенности творчества русскоязычного поэта и писателя Сухбата Афлатуни. В произведении автор поднимает проблему утраты национальных традиций и духовных ценностей через образ «базара». Автор анализируется малоизвестный рассказ современного писателя Узбекистана, который можно поделить на 3 части: детство, юность и зрелость главного героя и увидеть трансформацию его отношения к традициям, а также их последствия.

Ключевые слова: имагология, инонациональный мир, мифопоэтика, авторский миф, образ восточного базара, Сухбат Афлатуни, утеря национальных традиций и духовных ценностей.

Radjabova G.A.

Radjabova Gulnoza Arifzhanovna, North Caucasus Federal University, Research Institute for the Humanities. 355017, Russia, Stavropol, Pushkin st., 1. E-mail: noza140983@gmail.com

The image of the «bazaar» in the story of Sukhbat Aflatuni «Bulbul» as a mythological embodiment of the East

Abstract. The article discusses the term of comparative literary studies (comparative studies) – imagology. Particular attention is paid to the analysis of the mythological image of the oriental «bazaar» in the story «Bulbul», as well as the features of the work of the Russian-speaking poet and writer Sukhbat Aflatuni. In the work, the author raises the problem of the loss of national traditions and spiritual values through the image of a «bazaar». We analyze a little-known story of a modern writer of Uzbekistan, which can be divided into 3 parts: childhood, youth and maturity of the protagonist and see the transformation of his attitude to traditions, as well as their consequences.

Key words: imagology, foreign world, mythopoetics, author's myth, image of the oriental bazaar, Sukhbat Aflatuni, loss of national traditions and spiritual values.

В современном мире в поле наиболее актуальных межкультурных и междисциплинарных вопросов входят национальные образы, идентичность и этнические стереотипы. Имагология, как междисциплинарная отрасль гуманитарного знания, – наука, которая

занимается описанием, сравнением и определением механизмов формирования этих проблем. О.Э. Мандельштам писал: «Нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» [5, с. 238].

Одним из разделов литературоведения, изучающим сходство и различия,

связи и взаимовлияния стран и народов мира, является сравнительное литературоведение. Имагология как часть сравнительного литературоведения получила своё развитие к середине XX века в работах Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гийяра. Их концепции строились на убеждении в том, что «каждый народ создаёт о себе и других народах упрощённый образ», который складывается как из «случайных», так и «существенных для подлинника» черт. Именно поэтому учёные видели необходимость в понимании того, как возникают и бытуют в индивидуальном и коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях [10, с. 110-111].

Современный учёный-компаративист Й. Леерссен считает, что имагология изучает этнотипы, т.е. «стереотипные представления о национальном характере» [4, с. 13]. «Имагологам особенно интересны взаимоотношения между теми образами, которые характеризуют других (гетерообразы), и теми, которые характеризуют собственную, национальную идентичность (образ собственного «Я», или автообраз)» [3, с. 27].

М.М. Бахтин отмечал, что одна национально-культурная традиция становится ярче через призму восприятия другой, именно тогда видится отличие от «своей» и своеобразие «иной»: «...чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже», на основе сравнения не только культуры, но и литературы [1, с. 334]. Среди первых писателей, обратившихся к изображению иноэтнических явлений Российского государства, жизни и быта нерусских народностей, был писатель-этнограф В.И. Даль [2, с. 281].

Нужно отметить, что объектом имагологии становятся не столько собственно страны и народы, сколько их образ в оценке другой нации, например, не Англия и англичане, а «английскость», не Франция и французы, а «французскость», «американскость», «русскость», «немецкост», «узбекскост» т.д. В своих работах Н.П. Михальская пишет, что имаголо-

гия исследует «восприятие и воплощение в литературных произведениях представлений об иной стране, ее народе, особенностях национального характера» [6, с. 11].

Следующим важным моментом, которому стоит уделить внимание в нашем исследовании, является объяснение феномена авторского мифа. Авторский миф являет собой плод традиционного мифа и авторского нарратива. Авторское мифотворчество возникает еще в литературе модерна и укореняется, становясь излюбленным приемом у писателей XXI века (например, Л. Цыпкин «Лето в Бадэне», В. Пелевин «Чапаев и пустота», А. Рубанов «Финист – ясный сокол», С. Афлатуни «Муравьиный царь» и др). В творчестве Сухбата Афлатуни большое место занимает мифопоэтический, архаический культурный пласт, связанный как с общими фольклорными прасюжетами (вампирский сюжет, Колобок в «Муравьином царе»), так и с мифологическим «восточным текстом» в мегаромане «Поклонение волхвов».

Отражение глубокого мировоззрения и знаний писателя в области истории, философии, мировой литературы, образов мировой культуры, традиции и т.д. служит «созданию собственной мифологии» и является «свойством «его» прозы» [9, с. 225].

При исследовании творческого мира Сухбата Афлатуни его метод можно определить как мифологический или магический реализм, с помощью которого писатель обостряет внимание к мифологическим сюжетам, мотивам и образам, что совпадает с активизацией национального самосознания различных народов. Рассматривая художественный мир произведений автора нами, было выявлено несколько мотивов и мифологем, имеющих отношение к изображению инационального мира. Среди них, например, трансформация мифа о вампирах («Муравьиный царь»); трансформация сказки о Колобке («Муравьиный царь»); образ «базара» – как мифология Востока («Бульбуль»). Особую роль играют у Аф-

латуни библейские мотивы и их трансформация через введение фантастического элемента с опорой на восточные мифы: миф об ангелах смерти («Рай земной»); духовное прохождение потустороннего мира (ад, чистилище, рай) героями («Муравьиный царь»); тема «уходящего города» в образе Ташкента («Ташкентский роман», «Поклонение волхвов»).

Евгений Викторович Абдуллаев – русскоязычный поэт, прозаик и критик, историк-антиковед, кандидат философских наук, живущий в Узбекистане, родился в Ташкенте 19 апреля 1971 году. Основная деятельность – писательская, но по образованию он философ, занимающийся историософией. Критические статьи публикует под настоящим именем, стихи и прозу – под псевдонимом Сухбат Афлатуни, что означает в переводе с арабского языка «Диалоги Платона», а точнее, «Беседы с Платоном».

Нужно подчеркнуть, что Афлатуни как поэт и прозаик осуществляет оба вида творческой деятельности на одном уровне, он не перестаёт писать стихи, а напротив, совмещает поэзию с прозой. На сегодняшний день как литератор Сухбат Афлатуни в числе «двойкодышащих» поэтов (М.С. Галина, Б.Ш. Кенжеев), которые одновременно пишут поэзию и прозу; как кандидат философских наук и критик, Евгений Абдуллаев пишет статьи и ведёт исследовательскую работу («Идея Платона между Элладой и Согдианой»).

Афлатуни ставит перед собой цель вернуть Среднюю Азию, в частности Ташкент, в контекст русской литературы. Ему нравится сотворять «историю с маленькой буквы рядом с Историей с большой буквы» [Е. Абдуллаев]. В романе «Поклонение волхвов» (2016) образ Ташкента является во многом вымышленным, так как писатель пишет не историческую хронику, а создаёт художественное произведение (полуазиатский город с жёлтыми куполами – Дуркент). По словам автора: «Средняя Азия очень слабо «обжита» русской литературой» [С. Афлату-

ни], поэтому он старается познакомить читателей с ней.

Необходимо подчеркнуть, что большая часть его произведений пронизана мифологемами, культурными и религиозными подтекстами, которые поднимают важнейшие вопросы о роли русского языка и культуры в постсоветском пространстве Средней Азии. Афлатуни объединяет лингвистические характеристики, легенды, традиции и символы нескольких религий, создавая общее культурное и языковое пространство. Помещая в прозу мифологические смыслы, писатель говорит о важнейших культурологических вопросах Средней Азии, всплывших после распада СССР.

Наблюдая героев в произведениях Сухбата Афлатуни, можно сказать, что пространство прозы Афлатуни билингвально, так как его герои при помощи языковой игры с лёгкостью могут переходить с одного языка на другой, переплетая слова русские и узбекские. Язык в их мире – это кривое зеркало, в котором отражается их постсоветская ментальность. Автор умышленно меняет местами привычный для русского языка порядок слов, подбирает неожиданные метафоры, переводит, объясняет пословицы («Глиняные буквы, плывущие яблоки»), этим придавая комический оттенок. Необходимо отметить, что Афлатуни не является писателем-билингвом (подобно, например, В.Набокову, Ч.Айтматову), так как он не владеет узбекским языком, но в связи с тем, что он родился и вырос среди узбекского народа, в нём живёт «частица национального духа». Благодаря этой частице, мы можем наблюдать инонациональный мир в его произведениях.

В рассказе «Бульбуль» одним из центральных является образ восточного базара. Восточный базар – это не просто рынок, где можно что-то приобрести или продать, – это атмосфера взаимоотношений, философия, народная мудрость, особенности взаимопонимания и воспитания, получение духовного наслаждения от искусства восточного торга и ремесла,

своеобразное ощущение времени и пространства. Оказавшись на восточном рынке, человек сталкивался с целым миром вещей, слов и значений. Как говорится в народе: «базар – это песня, не купишь – не послушаешь!» (поговорка). В этом произведении автор, описывая базар, изображает его как живое существо: *«Сам базар был музыкой. Пели торговцы, нахваливая свой товар. Пели нищие возле северных, западных, восточных и южных ворот. Пели мухи и осы над прилавками. Пели перепёлки в плетённых клетках и дикие горлянки – на стенах и крышах. Пело солнце, пробиваясь сквозь навесы»* [7, с. 2, 182-183].

В Средней Азии народ, собираясь на базар, готовился, как на праздник, надевал на себя самые нарядные вещи, брал лучшего коня. Там происходил культурно-технологический обмен. Для торговца и его потомства настоящим домом был базар, так же, как и для главного героя произведения: *«Настоящим домом Бульбуля был базар, первыми игрушками – глиняные свистульки»* [7, с. 2]. Базар для восточного народа был неотъемлемой частью их жизни, это место, где человек мог получать духовное наслаждение: *«– Ради Аллаха, путник, что у вас творится здесь в Бухаре? // – Базар, – кратко ответил Ходжа Насреддин»* [рассказы Ходже Насреддине].

Особое положение базара в жизни Востока подтверждается средневековой литературой – именно на базаре случаются самые интересные происшествия, начинаются интриги (вспомним библейскую, а потом уже и кораническую историю Иосифа Прекрасного, которого продают на рынке; этот сюжет – один из самых популярных у средневековых писателей и поэтов). В таких историях базар служит как бы точкой отсчета последующих событий.

Вспомним еще одну историю: *«И вошел Иисус в храм божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей»* (Евангелие от Мат-

фея, гл. 21, ст. 12). Этот эпизод связан с древней традицией уничтожения рынков в критические для общества моменты. Запрещение и разрушение торгового места означало, что рушились одни религиозно-этические устои и провозглашались другие. И от этого страдал сам народ в рассказе Сухбата Афлатуни, а в особенности торговцы, которые жили самим базаром: *«И тогда начали ломать базар. Есть поговорка: базары и мазары трогать нельзя. // Мазары власть почти не трогала. А вот базары власть ещё как трогала //...базар стали теснить со всех сторон. Разрушали лавки»* [7, с. 4-5].

Согласно средневековым представлениям, пространство базара олицетворяло для жителей города «центр мира», – это же мы видим в произведении Афлатуни: *«...были времена, когда базар был огромным, до самого горизонта. И по базару можно было бродить целый день»* [7, с. 5]; сакральную его точку с ее особыми функциями: обрядами и ритуалами: *«...стоял минарет, с которого время от времени сбрасывали блудниц»* [7, с. 5]. Рождение и смерть, созидание и разрушение мира происходило в этой точке: *«Он родился на базаре ... в двух остановках от базара. // За пределами базара он чувствовал себя неудобно. // Узнав о рождении сына, отец так обрадовался. // ... он лишился матери // ...иногда на базаре кто-то умирал, ...иногда приглашали на обрезание»* [7, с. 1-2; 10]. Ведь смерть человека – событие кризисное не только для него, но и в жизни всего общества: *«Похороны поразили его своей красотой»* [7, с. 2]. Публичные казни демонстрировали отказ от одних ценностей (религиозных, политических, этических) и приобретение или восстановление других, часто прямо противоположных: *«... стоял минарет, с которого время от времени сбрасывали блудниц. Этот минарет и разрушали в первую очередь ... откуда теперь сбрасывать блудниц и что вообще с ними делать»* [7, с. 5].

На любом восточном рынке было множество хитрецов, насмешников, ост-

рословов. Базарный смех – за ним скрывался другой мир, отнюдь не смешной и забавный, каким он часто представлялся «базарными людьми». Это смех имел глубокий смысл, включающий в себя печаль, боль, страдания; радость. Во всех случаях базар пел: «...базар был музыкой. Пели торговцы, ... пели нищие, ... пели перепёлки, ... пели мухи и осы, ... пела сама глина, ... пел арик» [7, с. 2].

Автор, описывая базар, одушевляет его: «... это базар так распорядился? ... уже почти не существующий, опять уладил по-своему» [7, с. 14]. Он показывает, как народ жил «базаром», на базаре все были родными друг для друга. Базар учил быть расчётливыми: «Отец всё рассчитывал верно. Отец никогда не ошибался» [7, с. 1; 6]. Базар вдохновлял, делал людей сплочёнными, все делились своим горем, радостью, все слышали друг друга: «Если бы он был человеком базара...» [7, с. 14].

Рассказ построен по принципу зеркальной композиции, так мы наблюдаем в начале и в конце произведения повторяющийся эпизод, в противопоставленном виде. В начале – главный герой Бульбуль попадает в больницу с тяжелой травмой. Чтобы спасти сына, отец надевает вещи Бульбуля, накрывает лицо платком, и ложится рядом с ним на койку, повторяя слова-заклинания «Я – Бульбуль» [7, с. 6], и засыпает. «Утром отец был мёртв, а Бульбуль, несмотря на заключения врачей, выжил и поправился» [7, с. 6]. Таким образом, отец обманывает судьбу, дав жить сыну: «Отец никогда не ошибался. Тот, кто всю жизнь провел на базаре, сумеет обмануть и покупателя смерти» [7, с. 6]. В конце рассказа, студентка и любимая женщина главного героя попадает в автокатастрофу. Узнав об этом, он бросается в больницу. Бульбуль решает повторить поступок отца, но у него не получилось переиграть судьбу [7, с. 13]. Сумбуль умирает, а он продолжает жить: «Его жизнь оказалась не нужна» [7, с. 14]. В начале – главный герой отрекается от базара, а в конце рас-

сказа – базар отказывается от него. «Если бы он был человеком базара... Это базар так распорядился? Это базар, уже почти не существующий, опять уладил по-своему» [7, с. 14]. Главная идея произведения заключается в том, что автор показывает проблему утери национальных традиций и духовных ценностей.

Базар был частью мифологической, религиозной, социальной, литературной жизни. Купленная на базаре вещь для покупателя превращалась в реальную частичку мира, символизировала его качества, связывала человека с ним.

Афлатуни показывает, как Бульбуль отрёкся от базара, и всё в его жизни перевернулось: «...чувствовал себя не уютно. Да и свистульки ... кому они нужны? // На базаре он почти не бывал. ... он уже почти не был человеком базара» [7, с. 7, 10]. Базар отвернулся от него, им были потеряны традиции: «Он объехал базар, вид был тяжёлый. Был базар, стал – мазар» [7, с. 12]. Он стал потерянным. А ведь были времена, когда он жил настоящему, а не так, как сейчас он существует. Существует и живёт со своими грехами.

В рассказе умирают две девушки: Роза и Сумбуль. Роза олицетворяет внутренний мир самого Бульбуля, который жил, чувствуя красоту и дух базара. Покрывая глиной Розу, он покрыл свою душу и убил в себе себя: «И начал быстро покрывать Розу глиной. Лицо исчезло под глиной. ...замазал ноздри. Поработал немного стекой. Высохнет, надо шкуркой пройтись... // ...дальше не помнил совсем. Что случилось в ту ночь, так и не мог ответить» [7, с. 9]. Он просто похоронил себя, чувства, традиции, любовь, и всё это променял на мир людской, бесчувственный, пустой. А смерть Сумбуль доказала ему, что, отрекаясь от базара, то есть убив в себе всё, что напоминало о прошлом, он не обрёл счастья. И если отец мог всё просчитать и ему помогал дух базара, то Бульбулю этот дух не помог. Сколько бы мы ни убегали от себя, мы находим покой души именно там, где

мы были счастливы. Именно это и хотел показать автор в своём рассказе, через базар, который символизирует традиции, нрав, глубокие тайны восточного мира.

Как было сказано выше, объектом исследования имагологии становятся не столько собственно страны и народы, сколько их образ в оценке другой нации, например, не Англия и англичане, а «английскость» и т.д. В данной работе мы постарались раскрыть образ восточного «базара» в рассказе С. Афлатуни «Бульбуль». В творчестве автора большое место занимает мифопоэтический, архаический культурный пласт, связанный как с общими фольклорными прасюжетами (вампирский сюжет, Колобок в «Муравьином царь»), так и с мифологическим «восточным текстом» в мегаромане «Поклонение волхвов». При исследовании творческого мира Сухбата Афлатуни его метод можно определить как мифологический или магический реализм, с помощью которого писатель обостряет внимание к мифологическим сюжетам, мотивам и образам, что совпадает с активизацией национального самосознания различных народов, например, трансформа-

ция мифа о вампирах («Муравьиный царь»); трансформация сказки о Колобке («Муравьиный царь»); образ «базара» – как мифология Востока («Бульбуль»). Особую роль играют у Афлатуни библейские мотивы и их трансформация через введение фантастического элемента с опорой на восточные мифы: миф об ангелах смерти («Рай земной»); духовное прохождение потустороннего мира (ад, чистилище, рай) героями («Муравьиный царь»); тема «уходящего города» в образе Ташкента («Ташкентский роман», «Поклонение волхвов»).

Анализируя рассказ «Бульбуль», мы выявили, что одним из центральных героев произведения, является образ восточного базара. В произведении автор, описывая базар, изображает его как живое существо. В произведении мы наблюдаем, что «базар» символизирует традиции, нрав, глубокие тайны восточного мира. Если в начале – главный герой отрекается от базара, то в конце – базар отрекается от него. Через этот образ автор показывает утрату национальных традиций и духовных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества: эстетика словесного искусства. М., 1979. 424 с.
2. Даль В.И. (Казак Луганский). Полное собрание сочинений. СПб; М., 1897. Т.7. 369 с.
3. Леерссен Й. Имагология. Культурное конструирование и литературное представление национальных характеров. Критический обзор. Амстердам, 2007. 476 с.
4. Леерссен Й. Имагология: об использовании этничности для создания чувства мира. Iberical, журнал иберийских и Иbero-американских исследований, 2016. С. 13-31.
5. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: в 2 т. / О.Э.Мандельштам; сост. П.М. Нерлер; подгот. текста и коммент. А.Д. Михайлова, П.М. Нерлера ; вступ. ст. С.С. Аверинцева. М.: Художественная литература, 1990. Т.2: Проза. Переводы. 463 с.
6. Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. М.: Моск. Гос. Ун-т, 1995. 152 с.
7. Сухбат Афлатуни: «Бульбуль» // rulit.me URL: <https://www.rulit.me/books/bulbul-read-446348-1.html>
8. Шафранская Э.Ф. Русская литература о нерусской жизни и нерусских героях // Русская словесность. 2007. №7. С. 41-45.
9. Шафранская Э.Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010. 304 с.
10. Guyard M.-F. La littérature comparée. Paris: Presses universitaires de France, 1969. 128 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorcestva: jestetika slovesnogo iskusstva. M., 1979. 424 s.
2. Dal' V.I. (Kazak Luganskij). Polnoe sobranie sochinenij. SPb; M., 1897. T.7. 369 s.
3. Leerssen J. Imagologija. Kul'turnoe konstruirovanie i literaturnoe predstavlenie nacional'nyh harakterov. Kriticheskij obzor. Amsterdam, 2007. 476 s.
4. Leerssen J. Imagologija: ob ispol'zovanii jetnichnosti dlja sozdanija chuvstva mira. Iberical, zhurnal iberijskih i Ibero-amerikanskih issledovanij, 2016. S. 13-31.
5. Mandel'shtam O.Je. Sobranie sochinenij: v 2 t. / O.Je.Mandel'shtam; sost. P.M. Nerler; podgot. teksta i komment. A.D. Mihajlova, P.M. Nerlera ; vstup. st. S.S. Averinceva. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1990. T.2: Proza. Perevody. 463 s.
6. Mihal'skaja N.P. Obraz Rossii v anglijskoj hudozhestvennoj literature IX-XIX vv. M.: Mosk. Gos. Un-t, 1995. 152 s.
7. Suhbat Aflatuni: «Bul'bul'» // rulit.me URL: <https://www.rulit.me/books/bulbul-read-446348-1.html>
8. Shafranskaja Je.F. Russkaja literatura o nerusskoj zhizni i nerusskih gerojah // Russkaja slovesnost'. 2007. №7. S. 41-45.
9. Shafranskaja Je.F. Tashkentskij tekst v russkoj kul'ture. M.: Art Haus media, 2010. 304 s.
10. Guyard M.-F. La littérature comparée. Raris: Presses universitaires de France, 1969. 128 p.

Поступила в редакцию 28.11.2020.

Принята к публикации 01.12.2020.

Для цитирования:

Раджабова Г.А. Образ «базара» в рассказе Сухбата Афлатуни «Бульбуль» как мифологическое воплощение Востока // Гуманитарный научный вестник. 2020. №11. С. 99-105. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/11/Radjabova.pdf>